

ВОСПОМИНАНИЯ

ИРЕНА ЭЛЬЖБЕТА ЧЕКМОНЕНЕ

Литовский эдукологический университет

Научный портрет профессора В. Чекмонаса в свете (авто)биографических данных

Профессор Валерий Николаевич Чекмонас (далее В. Ч.) пробыл в науке 39 лет, считая со времени поступления 15 ноября 1965 г. в 29-летнем возрасте в аспирантуру Института языкознания им. Якуба Коласа Белорусской Академии Наук (Минск) и до последних дней своей земной жизни 17 марта 2004 г. (Вильнюс). Он оставил после себя пять разработанных научных тем, многочисленные статьи, рецензии, обзоры, тезисы, активно участвовал в разного рода дискуссиях и обсуждениях, выступал со статьями и заметками научно-популярного и общественно значимого, нередко полемического характера. Сам себя он считал фонетистом: *заглядывал к бабушкам в ротки...* Все годы активной научной деятельности В. Ч. были посвящены прежде всего фонетическим исследованиям, результаты которых на протяжении 36 лет (1968–2004) регулярно публиковались в ведущих лингвистических изданиях.

В семейном архиве В. Ч. осталось много письменных свидетельств его непростой, полной неожиданных поворотов жизни — автобиография, дневниковые записи, разного рода справки, характеристики, интервью, письма профессору и его ответы корреспондентам; осталась память о разговорах с ним, его суждениях, мнениях, рассказах, встречах, которые позволяют воссоздать портрет ученого с опорой на эти красноречивые документальные сведения, начиная с самых ранних дней его жизни. Эти сведения практически неизвестны, между тем они дают возможность многое понять в его биографии как ученого. Документальные свидетельства стоит привести по нескольким причинам: во-первых, как заметили близко знавшие В. Ч. люди, *публикаций о В. Ч. довольно много, но они однообразны, содержат ряд неточностей и темных мест*; во-вторых, для того, чтобы при перепечатывании не повторялись неточные сведения; в-третьих, чтобы будущие исследователи наследия В. Ч. не

чувствовали неудобства, упоминая об его исключениях (как из военного училища, так и университета), а наоборот, читая документы и глядя на них с точки зрения современности, смогли сами оценить события.

Детство и юность. Семья

Приведем текст автобиографии, написанной 27-летним В. Чекманом 10 мая 1965 г. во время поиска работы в Латвии.

Я, Чекман Валерий Николаевич, родился 25 октября 1937 года в селе Завалье Монастирищенского р-на Черкасской обл. Укр. ССР. Родители мои были учителями. Отец, Николай Максимович, был призван на фронт в первый день войны и погиб на фронте в 1942 г. Мать, Цеханчук Анастасия Григорьевна, 1914 года рождения, проживает сейчас в г. Черновцы Укр. ССР. Младший брат Чекман Василий Николаевич работает техником в Киевском институте ГИПРО.

В 1948 году я поступил в Киевское Суворовское военное училище и окончил его в 1955 году. До апреля 1956 года учился в Московском военном училище им. Верховного Совета РСФСР, а потом был направлен на действительную службу в армию, в /ч 56264, где и служил до июля 1958 года. Работал минером-подрывником (перечеркнуто: был награжден почетной грамотой). После демобилизации с 1958 года по 1962 учился в Черновицком гос. университете. С января 1963 года и до сего времени работаю учителем русского и немецкого языков в восьмилетней школе с. Шюлен Игналинского р-на. В 1963 году поступил в университет в Ростове-на-Дону на заочное отделение, который окончил в 1964 году, получив специальность учителя русского языка и литературы. С марта 1965 года одновременно преподаю русский язык и в старших классах Даугелишской средней школы.

Отец В. Ч., Николай Максимович Чекман, директор сельской школы, преподавал физику и математику. Начало войны застало его на курсах переподготовки учителей в Киевском пединституте. На двойном листе из разлинованной школьной тетради он написал карандашом единственное письмо, в приписке к которому дописал: *Да! Віліку скажи, що хай росте, щоб на зміну мені крєптішал здоровим, сильним. Цілуй хлопцев. I/VII—41 р.* И пошел на фронт. Он служил на западном фронте в армии Власова. Когда армия попала в окружение, ему удалось прорваться, однако он был ранен в живот. Раненых эвакуировали и госпитализировали в с. Вихровка Пристинского р-на Курской обл. 22 января 1942 г. Н. М. скончался в госпитале и был похоронен в том же селе в братской могиле, на которой ныне стоит обелиск. В. Ч. в то время было 5 лет, а его брату Василию — год.

Мать В. Ч., Анастасия Григорьевна Цеханчук, несколько лет работала учительницей в начальной школе, директором которой был его отец.

Позже со школой она не имела ничего общего. В Черновцах она прожила с 1945 по 1987 г., потом обменяла квартиру, переехала в Киев и поселилась недалеко от младшего сына Василия, семья которого заботилась о ней до ее смерти 24 мая 2008 г. Анастасия Григорьева прожила 94 года — на 26 лет больше своего старшего сына, факт смерти которого от нее скрывали целый год.

Первенца своенравной 22-летней красавицы Натальи (матери В. Ч. не нравилось ее настоящее имя — Анастасия, и себя она называла Натальей) нарекли Вилем (аббревиатура от *Владимир Ильич Ленин*). Он родился в довольно непростой атмосфере: *старая Чекманка*, как В. Ч. называл свою бабушку по линии отца, отличалась сильным характером, держала родню в своих руках и не признавала невестки. В. Ч. родился похожим именно на эту свою бабушку, с характерными густыми бровями, сросшимися на переносице, и крупным носом. Братья Виль и Василий (названный в честь погибшего в последний день войны с Финляндией в 1939 г. брата матери), а также их двоюродный брат Эдуард (Эдик, сын ее старшей сестры Нелли, впоследствии принявший фамилию жены и ставший Гусевым), проводили лето в доме деда Григория Емельяновича Цеханчука в селе Скоморошки. Этот дошкольный период жизни в доме деда В. Ч. считал самым счастливым в своей жизни: *Я не был плохим ребенком, но все как-то не так получалось. Мы много купались и проказничали, но дед никогда нас не наказывал.*

В селе было две достопримечательности — большой пруд и сахарный завод, на котором дед работал комендантом. В 1944 г. деда, преданного своему делу коменданта сахарного завода, арестовали и национализировали все имущество семьи за то, что он, заботясь о том, чтобы у людей была работа, разминировал оставленный на оккупированной территории завод. В.Ч. больно врезалось в память, как из дома уносят самую дорогую бабушке Анне Федоровне вещь — ее швейную машинку *Зингер*.

В том же 1944/45 г. В. Ч. пошел в школу в родном селе как Виль Цеханчук (по фамилии деда по материнской линии), не подозревая, что он Чекман. После ареста деда В. Ч. мать уехала устраиваться в город Черновцы и вскоре забрала к себе сыновей и свою мать. Имя Виль во время летних каникул в 1945 г., когда семья готовилась к переезду из села в город, было заменено на Валерий (в честь летчика Валерия Чкалова): в детстве В.Ч. хотел стать летчиком (о чем он позже, в 1982 г., рассказал в интервью газете филологического факультета ВГУ). Несмотря на смену имени, в семье его звали и в письмах к нему обращались только по имени *Виль — Виля, Вилик, Виличка*.

В Черновцах во второй класс он пошел уже как Валерий Чекман. Как в селе, так и в Черновцах В. Ч. посещал украинскую начальную школу. Сохранились школьные ведомости — напр., за 1945/46 учебный год: *Народний Комісарат Освіти УРСР. КАРТКА про успішність, поведінку та відвідування учня II класу за 1945/1946 навч. рік Чекман Валерій Н. СШ № 7, місто Чернівці, район Сталінський*. В таблице одни пятерки и приписка о награждении похвальной грамотой: *Переводиться до III кл. з погородження похвальної грамоти*. В четвертом классе он учился уже в русской школе, о чем свидетельствует *ВЕДОМОСТЬ оценки знаний и поведения ученика IVБ класса средней школы № 4 ст. Черновицы Кишиневской ж.д. Чекмана Валерия за 1947/1948 учебный год, с припиской: Переводится в 5-ый класс. Объявлена благодарность за хорошие успехи*.

В начальной школе в Черновцах из-за своей новой фамилии он был сразу травмирован — после перемен на парте стал находить свои тетради перечеркнутыми красным карандашом, с надписью *ЖИД*, что заставляло его чувствовать себя хуже других. К этому добавился голод и многочасовое стояние в очередях за хлебом: мать работала, а в семье он был старшим. По мужской линии в семье не осталось опоры, вспоминались лишь потери: в 1939 г. погиб дядя, в 1942 г. погиб отец, в 1944 г. — осужден дед.

В 1948 г., окончив четыре класса школы, одиннадцатилетний В. Ч. прочитал объявление о приеме в Киевское Суворовское военное училище и захотел туда поступить, несмотря на то, что туда принимались дети до десяти лет. Поскольку во время войны документы пропали, мать, поехав в родное село, нашла там соседей, согласившихся подтвердить дату, подходящую для КСУ. Так было восстановлено свидетельство о рождении с датой 25.10.1937 вместо настоящей 26.12.1936. С этим документом В. Ч. с матерью поехал в Киев сдавать экзамены и как сын погибшего офицера был принят в Киевское Суворовское военное училище.

Он попадает в военный мужской и мальчишеский коллектив, где, как он говорит в интервью, опубликованном в газете *Atgimimas*, *ему довелось пережить всю глубину антисемитизма*. Для преодоления дискомфорта, вызываемого звучанием фамилии, он стал усиленно заниматься спортом, опережая своих ровесников: только так он мог заставить считаться с собой. Уже в 1953 г. в его классификационном билете спортсмена указывалось: прыжки в высоту 160 см. — 2 место; баскетбол — 1 место; волейбол — 1 место; плавание брассом 100 м. — 1:33; стрельба 3+5 — 42 очка.

Однако со временем В. Ч. понял, что быть офицером он не хочет и, не видя другой возможности ухода из военного училища, стал сознательно нарушать дисциплину. Мать В. Ч., волнуясь за судьбу сына, писала начальнику училища, требовавшего ее приезда для совместного решения судьбы ее сына.

Ответ на письмо А.Г. начальника Киевского Суворовского
военного училища генерал-майора А. Томашевского

Уважаемая Анастасия Григорьевна! Получил ваши два письма, на которые даю ответ. Ваш сын Валерий Чекман учится в Киевском Суворовском военном училище шестой год, за это время очень много принес училищу неприятностей. Валерий не желает быть военным человеком, а у нас училище военное, и готовим мы своих суворовцев для службы в Советской Армии в офицерском звании. Валерий учится по всем предметам хорошо, кроме военной подготовки. Систематически нарушает дисциплину, грубит старшим, спит на уроках и самоподготовке или читает постороннюю литературу, не поднимается по сигналу «подъем» с койки. В беседах с ним он заявляет, что учиться будет, но порядки, установленные в училище, выполнять не будет, так как это для него «вредно». Вообще он опустил во внешнем виде и своим отношением к делу показывает нежелание учиться военному делу и выполнять воинские уставы и наставления. Раньше все его шалости принимались за проявление детства в его действиях и поступках, но теперь он в строевой роте, где вся жизнь и учеба строится согласно уставам Советской Армии. Валерий, имея уже семнадцать лет, не желает понимать этого и выполнять требования, предъявляемые к нему. Это юноша, который должен поступать сознательно, а он заявляет командиру роты, что порядки и дисциплина в училище ему противны, что он любит только себя и ни с кем считаться не желает. Он не выполняет требований офицерского состава, а младших командиров вообще не признает. С ним очень много проводили работы воспитательного характера коммунисты-офицеры, командование и особенно комсомольская организация. Вот по всем этим вопросам я и вызываю вас в училище и жду приезда, чтобы решить совместно судьбу Вашего сына Валерия Чекмана, т. к. его поведение вызывает серьезную тревогу и ставит вопрос о целесообразности пребывания его в училище.

*С уважением к вам
начальник Киевского Суворовского училища генерал-майор А. Томашевский
10 апреля 1954 г.*

В 1955 г. В. Ч. был переведен в Московское военное училище им. Верховного Совета РФССР. Семь лет, проведенных в Киевском Суворовском военном училище, спасли не только от послевоенного голода, пережитого за три года в Черновцах, но, как и надеялась А.Г. Цеханчук,

мать В. Ч., дали всестороннее образование по предметам программы средней школы, а также азы светского образования, по традиции сохранившегося в заведениях такого рода. В кадетском корпусе был прекрасный танцевальный зал, с ровным скользящим паркетом, а для натренированных на занятиях разного вида гимнастики и военной подготовки курсантов по субботам проводились танцевальные вечера в сопровождении духового оркестра.

В Московском военном училище В. Ч. учился до апреля 1956 г. Анастасия Григорьевна, надеясь, что ее сын закончит училище и станет офицером, писала письма в Москву, однако ответы руководства были неутешительными:

Ответ начальника политотдела полковника С. Жукова

Н. Г. Цеханчук. Ваше письмо получили и внимательно его рассмотрели. Ваш сын ЧЕКМАН В.Н. плохо вел себя в Суворовском училище и даже исключался. К нам он прибыл с настроением таким, что из него не выйдет военного человека. Над ним долго работали, но он и до сих пор считает, что офицера из него не получится. И чтобы его отчислили, стал на путь нарушения дисциплины, а затем пришел и заявил, что учиться не хочет. При таком положении заставить его продолжать учебу очень трудно. Он видит свое призвание в другом, в гражданской жизни. Учитывая просьбу тов. ЧЕКМАН, командование училища поставило вопрос перед вышестоящим органом об удовлетворении его просьбы. Решения пока нет, и он продолжает быть в нашем училище. Что касается наших офицеров, то они правильно воспитывают курсантов и стараются выработать из них хороших командиров, но не всегда это удается, так как некоторые курсанты не желают быть офицерами, в том числе и Ваш сын. Вопрос о том, что Ваш сын не имеет специальности, нам, кажется, Ваши беспокойства напрасны. Государство дало ему среднее образование, и он может поступить в любое учебное заведение, как и каждый юноша, окончивший 10 классов, и приобретет себе специальность. Ведь он еще так молод и вся жизнь впереди. Начальник училища и я лично много раз разговаривали с Вашим сыном, комсомольская организация с ним занималась, но он остается при своем мнении. Для Вас, может быть, наше сообщение будет горьким, но это правда. Ее от Вас скрывать не следует.

С уважением к Вам начальник политотдела полковник С. Жуков

/печать: Политический отдел Московского Краснознаменного военного училища им. Верховного Совета РСФСР/

31 марта 1956 г.

Из Московского училища он в качестве наказания был отправлен на действительную службу в в/ч 56244, в которой до июля 1958 г. должен был отслужить минером-подрывником.

Фамилия

Фамилия *Чекман* на Украине всегда вызывала бурно негативную реакцию. Носившие ее натерпелись от ее звучания, поэтому младший брат В. Ч., Василий Николаевич Чекман, женившись в октябре 1969 г. на Наталье Бирюковой, сразу принял фамилию жены, и двое его сыновей, Александр и Николай, также стали Бирюковыми. Мать, выйдя замуж за Чекмана, отказалась принять фамилию мужа и осталась под фамилией своего отца — Цеханчук. При знакомстве в марте 1964 г. В. Ч. первым делом спросил меня, *не боюсь ли я знакомства с ним*. Хотя с ноября 1965 г. В. Ч. уже учился в аспирантуре в Минске, звучание его фамилии повлияло на то, что и при заключении брака в июле 1966 г. он давал понять, что мне лучше оставаться под своей фамилией. Когда в 1985 г. в Минске по заказу готовилась его книжка о славянах, он считал невысказанным выпустить ее под своей фамилией, полагая, что это будет выглядеть анекдотично, и предполагая реакцию: *Чекман пишет о славянах!* Поэтому научно-популярная книжка *Славянские языки и славянские народы: Истоки родства* вышла под псевдонимом *Украинцев*. Таким образом, по сравнению с остальными членами семьи В. Ч. выглядел мужественно терпеливым. Когда дети подросли и опять встал вопрос фамилии, особенно для сына, было решено всей семье принять одну фамилию в литовском варианте — *Чекмонас* (см.: Свидетельство о перемене фамилии от 30 ноября 1982 г.).

Возвращение в Черновцы. Учеба в университете и отчисление из него

В 1958 г. В. Ч. поступил в Черновицкий университет. Можно было бы ожидать, что, вернувшись в 22-летнем возрасте в Черновцы и оказавшись уже не в военной, а в учебном заведении, куда В. Ч. стремился сознательно, он будет жить размеренной жизнью. Однако за десять лет борьбы с авторитетами у В. Ч. уже сформировались соответствующие навыки, так что в университет он пришел, *горя рабочей и бунтарской активностью*. Это проявилось уже в первый год обучения (1958/1959). Хотя уже на первом курсе он с блеском участвовал в художественной самодеятельности и в деятельности студенческого научного кружка, а летом под руководством своего научного руководителя О.С. Широкова (см. его отзыв ниже) отправлялся в диалектологические экспедиции в албанские села (навык диалектологической работы превратился в жизненную необходимость и не оставлял его никогда, см. также [Цыхун 2009, 44]), однако уже осенью 1958 г. на политинформации произошел конфликт с военной кафедрой; второй конфликт случился весной

*Илл. 1. В. Н. Чекман — студент
Черновицкого университета. 1962 г.
Фото из личного архива И. Чекмонене*

1959 г., когда В. Ч. с несколькими товарищами подготовил рукописный журнал *Светлые блики на темном фоне*, за что его дважды хотели исключить из университета уже на первом курсе. В тот раз его оставили учиться, но в декабре 1962 г., за полгода до окончания университета, он был исключен с пятого курса, а 23 января 1963 г. в черновицкой областной газете *Радянська Буковина* появилась статья Т. Лук'янюка *Хай це буде уроком!*

Ростовский университет

После отчисления с пятого курса Черновицкого университета В. Ч. в январе 1963 г. приезжает в Литву, где уже до этого он побывал дважды, желая изучить литовский язык: он был ему необходим для дальнейших сравнительно-исторических исследований (см. приведенный ниже отзыв О.С. Широкова). Кроме того, он надеялся закончить свое образование в Вильнюсском университете; но ответ проректора по учебной части Б. Судавичюса был однозначен: *Таких у нас своих хватает!* (Поэтому, когда 20 июня 1967 г. В. Ч. присутствовал на церемонии вручения диплома об окончании ВУ И. Адомавичюте (автору этих строк), он торжественно заявил: *И все-таки ВУ я окончил!*).

Получив отказ из Вильнюсского университета, В. Ч. в Черновцы не вернулся, а с января 1963 г. начал работать в Литве, в восьмилетней школе с. Шюлены Игналинского р-на. Однако преследования черновицкой партократии не прекратились. В Отдел народного образования Игналинского р-на ЛитССР из Черновцов пришла бумага, извещавшая, *какого кадра для работы в советской школе они приняли*. Дело об увольнении приостановил В. Янутенас, председатель передового по всем показателям колхоза *Пяргале* села Шюлены: отправившись ко второму секретарю райкома партии Игналинского р-на В. Березову, Янутенас ходатайствовал о В. Ч., после чего В. Березов проявил не только смелость, но и незаурядную человечность, взяв на себя ответственность и проигнорировав извещение. В. Ч. остался работать учителем.

Научный руководитель В. Ч. в Черновицком университете О.С. Широков, узнав о том, что В. Ч. не принят в Вильнюсский университет, сообщил об этом в университет г. Ростова-на-Дону заведующему кафедрой общего языкознания, известному индоевропеисту профессору А.Н. Савченко, которому во время одной из научных конференций он уже рассказывал о талантливом студенте. Пострадавший в свое время от украинских работников идеологического фронта, А.Н. Савченко решил помочь юноше и 9 июня 1963 г. ответил О.С. Широкову письмом, в котором обещает всяческую поддержку, необходимую В. Ч. для окончания университета и дальнейшего обучения в аспирантуре:

Илл. 2. В. Чекман — учитель Шюленской восьмилетней школы Игналинского р-на Литвы. 1963 г. Фото из личного архива И. Чекмонене

Дорогой Олег Сергеевич! Относительно Чекмана я с самого начала писал Вам и потом подтвердил, что я постараюсь устроить его в университет и в аспирантуру. Не понимаю, зачем понадобился ему Вильнюсский университет и почему он сразу не обратился ко мне. То, что его исключили из Черновицкого университета за независимое поведение, не позорит его, а наоборот, делает ему честь. Я сделаю все, что возможно, чтобы он был принят в наш университет и потом – в аспирантуру. Имею все основания надеяться, что это удастся мне. Пусть он обращается прямо ко мне и сообщит мне свой адрес, чтобы я мог писать ему. Заявление на имя проректора по заочному обучению нашего университета с документами пусть Чекман пришлет мне, а я займусь этим делом. Но сейчас он уже упустил время, и к ближайшей заочной сессии, которая начнется 1 июля, это устроить уже не удастся, во-первых, потому, что осталось совсем мало время, а, во-вторых, потому, что наш ректор уехал в отпуск. По-моему, лучше всего, чтобы он прислал заявление с документами в конце августа, когда я возвращусь из отпуска. Уверен, что без обращения к ректору в этом вопросе не обойдется, а ректор будет в отпуске все лето. Я думаю, что для Чекмана в этом нет беды, потому, что в этом году он все равно не смог бы поступить в аспирантуру по славистике или общему языкознанию /по причинам финансовым/, а в другие места ему трудно поступать после черновицкой истории. А в сентябре 1964 года мы будем принимать в аспирантуру, и к тому времени он уже будет иметь диплом.

Одновременно А.Н. Савченко взялся руководить действиями В.Ч., вступив с ним в переписку: *Глубокоуважаемый В.Н.! Ваше заявление написано не так, как нужно. Перепишите текст, какой я посылаю Вам, подпишите и пришлите мне. Сделаю все, что возможно. Ваш А.Н. Савченко (подпись) (письмо от 31 августа 1963 г.).*

21 августа 1963 г. В. Ч. в с. Шюлены Лит. ССР пишет заявление Ректору Ростовского университета, в котором объясняет действительную причину своего исключения из Черновицкого университета:

Ректору Ростовского-на-Дону университета
Чекмана Валерия Николаевича
Заявление

В конце 1962 года я был исключен из Черновицкого гос. университета, где я учился четыре с половиной года, за «аморальное и антиобщественное поведение, грубое отношение к преподавателям, не реагирование на критику коллектива», как записано в приказе ректора.

Действительно, во время учебы я допустил ряд ошибок в поведении и по отношению к преподавателям, и к коллективу студентов, но у меня не было аморальных и антиобщественных поступков – об этом свидетельствует выданная ректором характеристика.

Прямым поводом к исключению послужило мое заявление с просьбой исключить меня из университета. Свою просьбу я мотивировал тем, что не могу продолжать учебу в связи с обстановкой на факультете, которая создалась вокруг меня и моих товарищей.

Но просьба моя не была удовлетворена: меня не исключили по собственному желанию, но, учитывая все мои старые грехи, сочли возможным исключить меня за «аморальное и антиобщественное поведение».

За время учебы в университете я «отличился» не только плохим поведением. За доклады на научных конференциях я был дважды награжден грамотами; неоднократно награждался грамотами обкома и горкома ВЛКСМ за активное участие в худ. самодеятельности и общественной работе.

Еще будучи студентом увлекся славянским языкознанием, я дважды бывал в Литве и изучал литовский язык и его диалекты. После исключения из университета я приехал сюда на постоянную работу и сейчас работаю учителем русского и немецкого языков в с. Шюлены.

Характеристику от зав. районо и выписку из трудовой книжки прилагаю.

Моя просьба состоит в следующем: прошу зачислить меня на последний курс заочного отделения русского языка и литературы вашего университета и допустить к сдаче экзаменов зимней сессии.

Профессор О.С. Широков также хлопотал о нем, представив в Ростовский-на-Дону университет, написанный 5 сентября 1963 г.

Отзыв о студенте В.Н. Чекмане

Студента В.Н.Чекмана я знаю с 1958 года, когда он поступил на первый курс филологического факультета Черновицкого университета, и по сей день, когда он работает учителем русского и немецкого языков в Литовской ССР в сельской школе. В Черновицкий университет В.Н. Чекман поступил, демобилизовавшись из армии. С первых же дней он обратил на себя внимание любознательностью, необычной трудоспособностью, соединенными с волей и дисциплиной к самостоятельной работе. Помимо учебного курса В.Н. Чекман, еще будучи студентом первого курса, стал изучать самостоятельно древние и новые языки, научившись хорошо читать и неплохо говорить по-английски, французски, немецки, румынски, венгерски, албански, а также по-польски, сербски и болгарски. Наибольших успехов В.Н. Чекман достиг в сравнительной индоевропеистике, изучая древнегреческий, древнеиндийский (санскрит), древнеирландский, готский, но особенно хорошо – литовский, следует при этом особо подчеркнуть его добросовестность, энтузиазм и самоотверженность в изучении (в диалектологических экспедициях и научных походах) в полевых условиях бесписьменных диалектов (албанский, румынские, украинские) на территории Украины. На старших курсах В.Ч. усиленно изучал теоретическое и прикладное языкознание, уделяя основное внимание математической лингвистике. Он прослушал курсы и провел практические занятия по математическому анализу (в программе химфака), аналитической геометрии, математической логике, был постоянным и активным членом кибернетического общества гор. Черновиц (при доме техники), неоднократно выступал с научными докладами. В. Чекман уже на студенческой скамье принимает участие в научных конференциях, в том числе в общесоюзных, тезисы его докладов напечатаны, в том числе в Москве и Ленинграде (общесоюзная конференция по проблемам славистики). Вместе с тем В. Чекману присуща скромность. Он хорошо относится к товарищам. Я постоянно руководил научной работой этого студента, знал его хорошо и в трудных полевых условиях экспедиции, и как старосту научного студенческого кружка, где я был руководителем, поддерживаю с ним постоянную связь и сейчас, когда В.Н. Чекман, отказавшись от предлагаемой ему работы в городской школе в Литве, поехал в село, где, наряду с хорошей работой, успешно изучает литовскую диалектологию и дал талантливое описание местного диалекта. Я являюсь соавтором одной печатной работы с В.Н. Чекманом. Все это дает мне основание рекомендовать В. Чекмана и как способного, исполнительного и очень трудолюбивого студента, и как честного и скромного человека, хорошего товарища. В свое время неровности характера болезненно отражались на отношениях студ. В. Чекмана с некоторыми преподавателями Черновицкого университета. Скромная и честная работа В.Чекмана в условиях

инонационального села показывает, что он сделал соответствующие выводы, поэтому недоразумения в Черновицком университете в прошлом не должны и не могут сейчас служить препятствием для завершения В. Чекманом высшего филологического образования и продолжения, в дальнейшем, работы в области общего и сравнительного языкознания и славистики.

Об атмосфере, в которой учился В. Ч. в Черновцах, и о причинах исключения В. Ч. из этого университета пишет и московский лингвист К.Г. Красухин в воспоминаниях о профессоре О.С. Широкове: <...> *провинциальная партократия насаждала свой дух. Одним из самых блестящих студентов О.С. Широкова в Черновцах был Валерий Чекман <...>. Против него было на пустом месте раздута персональное дело <...> об ужасно растленном студенте <...>, не соответствующем идеалам советской молодёжи. В.Н. Чекман был отчислен за неуспеваемость и аморальное поведение. По рекомендации О.С. он приехал в Ростов-на-Дону (с почётными грамотами за отличную учёбу и активную общественную работу) к выдающемуся лингвисту А.Н. Савченко и защитил у него диплом. [Красухин].*

Проф. А.Н. Савченко, предвидя сопротивление ректора, решился на крайние меры. Зайдя в его кабинет, он положил на стол папку с документами В. Ч. У него был с собой и другой документ — заявление об уходе с должности заведующего кафедрой, которое он предполагал вручить ректору в случае отказа зачислить В. Ч. студентом заочного отделения. Между профессором и ректором произошла немая сцена. Ректор, зная кристальную честность, порядочность и благородство профессора А.Н., без слов подписал заявление В. Ч. с просьбой о принятии его в Ростовский госуниверситет.

Проф. А.Н. Савченко стал практически руководить В.Ч. В с. Шюлены пришло письмо с советами и рекомендациями, датированное 19 октября 1963 г.:

В Черновцах никто не должен знать об этом, пока Вы не получите диплом. Иначе могут все разрушить. <...>. Пора подумать Вам о теме диссертации, потому что ко времени поступления в аспирантуру работа над диссертацией должна идти полным ходом. Работы, которыми Вы занимаетесь, посвящены преимущественно вопросам фонологии. Это хорошо, но этими вопросами могут заниматься и многие другие. У Вас же есть такие данные, которые есть только у отдельных единиц, — данные для сравнительно-исторических исследований, и грешно не воспользоваться ими. С вашим знанием славянских языков, балтийских, санскрита, греческого и латыни Вы можете решить какую-нибудь проблему балто-славянских языковых отношений, или даже из области сравнительной грамматики индоевропейских языков, за что едва ли кто-нибудь

из аспирантов может взяться. Подумайте над этим. Мне хотелось бы направить Вас в эту сторону также и потому, что я сам работаю в этой области и мог бы руководить Вами. Если же Вы будете писать по фонологии, то вам придется обращаться к Олегу Сергеевичу. Или к кому-нибудь другому.

Шефствуя над заочником, А.Н. Савченко много внимания уделял В. Ч. как будущему ученому. В письме от 24 ноября 1963 г. он пишет:

В канцелярии заочного отделения мне сказали, что Вам уже послали официальное извещение о зачислении. Что касается Вашей диссертации, то я уже буду отговаривать вас от сравнительно-исторической темы. Хотя я и глубоко убежден, что Ваше призвание и Ваше назначение в жизни – индоевропеистика. Если Вы будете аспирантом, то Вы не сможете развернуться по своим силам, потому что будете связаны сроком. Поэтому аспирантам приходится брать тему диссертации не только по своим интересам, но и сообразуясь с возможностями выполнения в условиях аспирантуры. Работы же сравнительно-исторического содержания ни в какие сроки не укладываются. Мне кажется, что пока Вы будете вынашивать решения балто-славянских проблем, Вы могли бы написать хорошую диссертацию о вашем литовском говоре. Судя по всем данным, он должен быть интересным для языковедения. А прежде всего, конечно, нужно писать дипломную работу. Приедете ли Вы на зимнюю заочную сессию? Она будет в январе. Ваш (подпись).

Зимнюю сессию 1963 г. в Ростовском-на-Дону университете В. Ч. поехал сдавать из с. Шюлены, а в первых числах марта 1964 г., получив в школе как заочник творческий отпуск для завершения дипломной работы *Говор с. Изабелины Игналинского р-на Литовской ССР (русский говор в литовском окружении)*, приехал в Вильнюс для занятий в библиотеке. В поисках жилья он зашел в хозчасть ВГУ, где успел произнести только первую часть предложения: *Я — заочник*, и, не завершив его словами — *только не вашего университета*, услышал: *Хорошо, сейчас дадим вам комнату*. Так в начале марта 1964 г. В. Ч. поселился в одной комнате с будущим поэтом С. Гядой и стилистом Й. Абаравичюсом. На этом же этаже жила и я. Тогда же в гуманитарном зале Республиканской библиотеки (ныне библиотека им. Мажвидаса) произошел наш первый разговор с В. Ч.: он расспрашивал о слове *gudas* (см. публикацию В. Ч. об этимологии этого слова в 1968 г.).

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 16 июня 1964 г. В. Ч. была присвоена квалификация филолога и учителя русского языка и литературы, а 27 июня выписан диплом. На память об этом событии остался врученный 25 августа 1964 г. заведующим отделом народного образования Игналинского р-на альбом “Третьяковская

Илл. 3. Студент-заочник Ростовского университета. 1964 г. Фото из личного архива

И. Чекомонене

галерея“ с надписью: *Валерию Чекоману, успешно окончившему университет.*

Вернувшись в с. Шюлены с дипломом о высшем образовании, В. Ч. принял решение сменить место работы. Согласно справке, выданной отделом народного образования Преильского района (*Preiļu rajona Tautas izglītības nodala*) для представления в БАН, 12 августа 1965 г. приказом № 49 § 1 В. Ч. назначался учителем Гайняйской восьмилетней школы с датой начала работы 16 августа того же года.

Стоит привести совет А.Н. Савченко из письма от 22 декабря 1964 г., который, по-видимому, повлиял на решение В. Ч. сменить место работы:

Если в 1965 году Вы не сможете еще поступить в аспирантуру, то советую Вам переменить место работы. Незачем губить себя в Шюленах. Если Вы постараетесь, то, конечно, сможете получить место в Игналине или в другом районном центре. Все же будет разнообразнее. Когда будете подавать в аспирантуру, обязательно возьмите у меня или у Олега Сергеевича рекомендации, чтобы Бернштейн знал, что Вы — именно тот, о котором ему говорили.

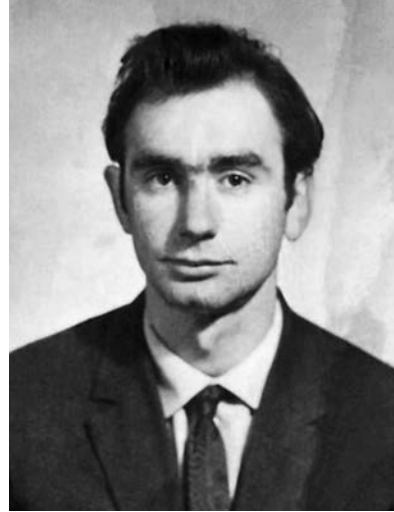
Проработав в латвийской восьмилетней школе всего месяц, В. Ч. получил приглашение из Института языкознания им. Якуба Коласа БАН сдавать экзамены в аспирантуру и 15 ноября 1965 г. стал аспирантом этого института.

Аспирантура и начало работы

Получив тему своей будущей диссертационной работы, В. Ч. пешком обошел всю Белоруссию, а некоторые ее регионы по несколько раз, включая запретные для граждан военные зоны. В результате он сам иногда становился объектом наблюдения соответствующих органов, беспокоивших проверочными звонками директора института [см. также: Цыхун 2009, 44]. Позже, когда В. Ч. работал в качестве младшего, а вскоре и старшего научного сотрудника в том же институте языкознания и когда директор института М.Р. Судник, выполняя свои служебные обязанности, делал очередные рейды по проверке дисциплины для

выявления опаздывающих на работу научных сотрудников, для В. Ч. всегда делалось исключение, поскольку, помимо страсти к экспедициям, он отличался тем, что после работы часто засиживался в Академической библиотеке, включая почти каждую субботу и воскресенье.

26 декабря 1968 г. В. Ч. защитил диссертацию *Развитие противопоставлений твердых и мягких согласных фонем в белорусском языке. Типологическое и сравнительно-историческое исследование*, в которой проявился его глубокий интерес к фонетическим исследованиям, особенно к изучению мягких *с*”, *з*” в белорусских говорах. В поздравительном выпуске институтской газеты после защиты диссертации

Илл. 4. Аспирант Минского института языкознания. 15 ноября 1965 г. Фото из личного архива И. Чекмонене

Л.Т. Выгонная описала экспедиционные исследования юмористическими стихотворными строками: *Но он по болотам рыщет, / Под корнями звуки ищет, / Чтоб они совсем не пропали, / Чтоб в канаву вдруг не упали, / Чтоб шальные собаки / Их не сожрали во мраке, / И год, и другой он ходит, / Только дзе, только це не находит. / И одни лишь дифтонги из чащи / На него свои очи таращат.*

А.Н. Савченко в поздравительном письме от 22 декабря 1968 г. по поводу защиты В. Ч. писал:

Я думаю, что Вы созданы самой природой для того, чтобы исследовать генетические связи между славянскими и балтийскими языками. Надеюсь, что после работы над оппозицией твердых и мягких согласных в праславянском Вы и перейдете к этой проблеме и конечным результатом вашей работы в этом направлении будет сравнительная грамматика славянских и балтийских языков.

После защиты диссертации, несмотря на рождение в конце марта того же года первенца — дочери Юргиты, в институтских изданиях появились две статьи о *с*”, *з*” в белорусских говорах, а через год в *Вопросах языкознания* — обобщающая статья *К развитию основных особенностей белорусского консонантизма*. Наряду с тем, несмотря на глубокое погружение в фонетические темы, в 1971 г. в журнале *Slavia Orientalis XX* (3) появилась статья В. Ч. *Polska gwara m. Widze i okolicy*,

написанная в соавторстве с К.М. Гюлумянц и давшая начало новой научной темы, развивавшейся в течение более тридцати лет, а впоследствии ставшей своего рода синонимом фамилии В. Ч. как исследователя языковых контактов. Эта статья больше напоминала беседу двух филологов: для одного это была возможность рассказать об особенностях говора деревни, в которой ему довелось жить, работая учителем до аспирантуры, а для другого — полониста, опытного преподавателя БГУ — поделиться впечатлениями из студенческих экспедиций в польскоязычные деревни в иноязычном окружении. В начале 70-х гг. темой языковых контактов фактически никто не занимался, и сегодня год появления этой статьи приобретает особое значение как дата начала активных исследований языковых контактов, а точнее — *польской языковой интерференции в Литве*.

В течение 11 лет В. Ч. был сотрудником Лаборатории экспериментальной фонетики Института белорусского языка, которой заведовал А.И. Подлужный. Его коллегами здесь были Л.Т. Выгонная, П.В. Садовский и инженер Э.Г. Якушев, под влиянием которого у В. Ч. появилось особое пристрастие к фотографии. В это время в институтском Секторе общего и славянского языкознания, которым заведовал В.В. Мартынов, все больше внимания начали уделять языковым контактам с польским языком, конечно, не без прямого влияния и личных усилий научного сотрудника Сектора, полониста В.Л. Веренича: кроме подготавливаемого диссертационного исследования самого В.Л. Веренича, под руководством В.В. Мартынова по польской теме готовилась также другая диссертация: *Семантическая адаптация полонизмов в литовских говорах* (И.Б. Адомавичюте — автора этих строк), а под руководством В.Л. Веренича уже постепенно формировались научные сборники *Польские говоры в СССР. Исследования и материалы 1967–1969 гг.* (ч. 1) и *1969–1971 гг.* (ч. 2). Несмотря на то, что В. Ч. работал в другом подразделении института, он был включен в тему по изучению языковых контактов как знающий все три контактирующих языка, так что в каждом из двух сборников, вышедших в 1973 г. из печати, были представлены его статьи, хотя главным мотивом их появления все еще был не сознательный научный интерес, а лишь внимание к словам В.Л. Веренича: “Надо, позжайте, сделайте, вы знаете литовский”.

Несмотря на появление статей по языковой интерференции, В. Ч. продолжал со страстью заниматься фонетикой. В 1970 г. вышла монография на основе его диссертации *Гісторыя проціпастаўленняў на цвёрдасці–мяккасці ў беларускай мове* (152 с.), в которой, по словам

Л.Т. Выгонной: *Вот и всех собрал он их. Дзе и Це! Ох, и польские, и болгарские, и румынские, и балтийские... Он и эти Дзе и Це взял, и Те!* По оценке А. Гирдяниса, в этой работе В.Н. Чекмонас впервые в истории языкознания все объяснения конкретных явлений языка и его диалектов обосновывает многочисленными синхроническими и диахроническими данными языков различного генезиса и структуры — типологический контекст становится для него важнейшим фундаментом для реконструкций [Гирдянис 2009, 14]. В 1973 г. появилась написанная в соавторстве с А.И. Подлужным монография *Гукі беларускай мовы* (264 с.), которую А. Гирдянис назвал прекрасным трудом по синхронической фонетике белорусского языка [там же].

Следует отметить, что стиль научной работы В. Ч. отличался не только интенсивностью, но и неожиданными “прыжками” к другим темам. В том же 1973 г., когда была подготовлена монография о белорусской фонетике, В. Ч. каким-то непостижимым образом убедил директора Института языкознания БАН в необходимости иранистики для дальнейших исследований и отправился на Северный Кавказ изучать осетинский язык. В студенческом общежитии г. Орджоникидзе стоял нескончаемый гул, и зубрить наизусть целыми днями новый язык по привычной студенческой методике далеко не в студенческом возрасте было мучительно трудно [Smułkowa 2009, 40], однако В.Ч. продолжал свои занятия. Отсюда он отправился в Ростов-на-Дону к А.Н. Савченко, и здесь его настигли телеграммы о рождении сына, которому к тому времени исполнилось уже две недели.

В Литве, где летом 1973 г. проживала семья, В. Ч. появился в мае, а в августе уже выступал на VII Международном съезде славистов в Варшаве с докладом *Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке*. Вернувшемуся со съезда славистов в Минск В. Ч. предложили трехкомнатную квартиру, словно подарок судьбы по случаю увеличения семьи, так что вместо ожидаемого отдыха ему пришлось делать ремонт. В октябре 1973 г. *научный марафон* продолжился, и его результатом стало появление в 1974 г. трех статей по фонетике праславянского языка в авторитетных изданиях: *Балто-славянские исследования*, *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* и *Lingua Posnaniensis*.

Понять причину продуктивности и необычайно высокого темпа жизни В. Ч. помогают дневниковые записи. Они важны, поскольку позволяют детально восстановить хронологию научной деятельности В. Ч., который в течение многих лет ежедневно скрупулезно вел подсчет времени, и уточнить некоторые факты. Так, 11 августа 1974 г. отмечено: *3.20 часа до обеда и 1.40 час вечером. Итого 5 ч. Все время ушло на описание*

фонетики пунктов ОЛА. По приведенной записи видно, что в 1974 г. к обычным темам добавилась еще одна — участие в работе по созданию Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА). В печати появляются заметки по лексике, иногда по этимологии отдельных слов, напр., *Суффикс -ук (-'ук) в белорусских говорах (по материалам ОЛА)* [Чекман 1975]. Далее тот же день выглядел так:

В институт и издательство 3 часа (с дорогой). Встал 7. Кончил работу 22.00. 13 часов активного времени (5 ч. работа, 3 ч. дела, 3.40 бытовое время).

Записи того же августа:

12–08–1974. *Письменное размышление над статьей о системах фонем (5 стр. — 1.15 ч., 1.0 ч. — фонологическое описание, 2.35. — фонетическое описание, итого — 4.50 рабочего времени; 1.10 — зарядка, значит, — 6 часов полезного времени + 0.30 чтение на армянском языке.*

13–08–1974. *С 6.00 до 22.00 = 16 часов, из них только 5.15 — время с пользой. Сегодня сделал три фонологические описания, подготовил материал еще для одного. Думал над статьей о фонологических и фонетических системах — все время думается — разве это можно засечь; читал в трамвае, дома — литературу = 0.30. Трудно засечь время, все время отвлекают.*

14–08–1974. *Вот как я работаю в домашних условиях, когда все дома (все — это шестилетняя дочь и годовалый сын). Рабочее время указывается поминутно: 17–17.15; 18.25–19.10; 19.35–20.05; 20.25–21.00; 21.15–22.05. <...> Рекорд! 15.30 активной жизни.*

15–08–1974. *Встал 6.20. 6.30–7.30 пранаяма и асаны. 9.00–12.35 писал и размышлял о статье об уровнях фонологического анализа. Очень хорошо работает в это время. Нужно заставлять себя думать, а не так, когда мозг направлен на то, как выразиться.*

Не снижается темп работы и в дальнейшем, см. записи осени 1975 г.:

10–09–1975. *Работал 10.15–14.00=3. 45 ч. Читал Даля, делал выписки и думал над -ва. 16.30–20.20=3.50. Просидел в библиотеке, обрабатывая материалы на -ва. Совсем в растерянности: -ва потянуло за собой укр. 'ava в собир. значении, а на этот суффикс у меня не готовы материалы. Таким образом, хотя и просидел сегодня 7.35, успехов и прогресса от этого мало. 7.35+1.10. Отбой 22.15.*

11–09–1975. *Встал 6.30. Не мог подняться после звонка будильника. С 7.00–7.20 делал пранаямы. С 9.00–10.30 выписки с -ва. Весь день проговорил с В.В. Мартыновым относительно -ва и пр. = 2.00. После разговора с В.В. стало понятно, что делать с -ва. Около 2.30 — с Э. Гр. Разговор с Э. Гр. нужно записать. Спать 22.00.*

13–09–75 (суббота): 11.20–14.40 сидел в библиотеке, выбирал -va, -ava — 4.15 ч. Дома занимался тем же. Это очень напряженная работа. Глаза устают, но нужно понять материал. Не так много, но усталость. Отбой, как всегда.

В дневниках делаются и пометки, напоминающие жизненные рекомендации самому себе:

Начни с того, что познай себя, и кончи тем, что познай себя. Но познаешь ли себя, если есть несбывшееся? (август 1974 г.); *Не обижать людей. Всем и так трудно. Нет — агрессивности в любой форме* (5 октября 1975 г.).

11–17 октября 1975 г. В.Ч. реализует попытку не фиксировать время. Вывод:

Я не заметил этой недели — все время в работе. Мне кажется теперь, когда я не фиксирую времени, что я работаю больше, чем раньше; от этого может и какая-то усталость. Без фиксации все сливается в один день — длинный и непрерывный. С фиксацией день короче и жестче. Но как фиксировать ту работу, которую я делаю, просто размышляя. Или ее совсем не фиксировать? Не могу же я сказать себе — не размышляй, когда размышлять хочется. Или нужно это сделать?

Эксперимент с нефиксацией заканчивается 22 октября 1975 г. выводом:

Я не заметил 11 дней. Не знаю, что и когда делал и чего не делал. Если это был эксперимент, то можно отметить: 1. Фиксирование времени безусловно дисциплинирует; 2. Оно создает ощущение наполненности жизни; 3. Потом не так жаль, что прошло время потому, что не знаешь, на что оно потрачено; 4. Без фиксации времени абсолютно ясное впечатление, что поток времени уносит; это сон, это гипноз, это что угодно.

Однако, несмотря на строгий контроль времени, его постоянно не хватает:

Сегодня 21 декабря 1975 г. У меня абсолютный завал.

В 1975 г. со времени начала профессиональной научной деятельности 39-летнего В. Ч. исполнилось десять лет. В *Slavia Orientalis* XXIV (3) появилась его первая статья об аканье *Akanie. Istota zjawiska i jego pochodzenie* — открывшая тему, над которой В. Ч. работал в течение 29 лет.

Переезд в Литву

Весной 1979 г., как обычно в это время года, у В. Ч., живущего крайне интенсивно, накопилась усталость (поэтому весны он не любил, а любил осень, поскольку *осенью лучше работает голова* — см. интервью в газете филологического факультета ВУ по поводу защиты докторской диссертации в 1982 г.). Усталость проявилась в форме неожиданного

рассуждения: *Может, стоило бы поехать в Ростов-на-Дону на кафедру к А.Н. Савченко*. Поскольку на июль 1979 г. планировалась экспедиция в Йонавский район (вчетвером — мы вместе с К.М. Гюлюмянц и В.Л. Вереничем), на его слова последовала моя реакция: *Если действительно нужно уезжать из Минска, то уж не в такую даль, как Ростов-на-Дону, с которым нас не связывают никакие научные интересы, логичнее в Литву, в Вильнюс*. Разговор остался в памяти как случайная беседа, ни в коем случае не как решение. После экспедиции в Йонаву я поехала в Шилутский р-н навестить детей, а В. Ч. с коллегами отправился в Минск. Однако по дороге в Белоруссию он остановился в Вильнюсе и по ходатайству проф. З. Зинкявичюса был принят на работу на кафедру русского языка Вильнюсского университета, как бы в подтверждение слов: *Люблю действовать, а потом думать*.

До нового учебного года оставался неполный месяц. В институте после возвращения из Литвы произошел разговор В. Ч. с А. И. Подлужным: *Саша, я уезжаю. — Куда, в Израиль?! —* изменившись в лице, крикнул тот. Это было единственный объясняющий все вывод. Вот, оказывается, что они думали. Слова искренней озабоченности минских коллег мне приходилось выслушивать в течение года до переезда в Литву в апреле 1980 г.

Между тем в издательстве БАН готовилась к печати монография В. Ч. *Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция* (216 с.). Поскольку с осени 1979 г. ее 43-летний автор уже работал доцентом ВУ, то корректуру книги пришлось делать не ему. Этим исследованием, которое Х. Бирнбаум впоследствии назовет *крупнейшим достижением славянского языкознания в области диахронической фонологии в период 1974–1982 гг.* [Гирдянис 2009, 17], завершился 14-летний (считая с момента поступления в аспирантуру 15 ноября 1965 г.) период научной деятельности В. Ч. в Минске — период, который, по мнению коллег-ученых, был самым плодотворным в биографии ученого [Цыхун 2009, 43; Гирдянис 2009, 14–17].

С огромной благодарностью и признательностью сейчас следует оценить поступок В. Ч. — переезд из Минска в Вильнюс, совершенный ради семьи в 1979 г. (см. *Интервью ВУ 1882 г.*), который можно назвать не только благородным, а, учитывая случившиеся позже политические перемены, — и дальновидным. Ему пришлось оставить в Минске две картотеки: одну, собранную по белорусским говорам, другую, начатую, — по польским, и стать новичком на незнакомой кафедре; добровольно решиться оставить царившую в институте научную атмосферу, вольный стиль работы и прервать участие в создании Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА).

Первые годы жизни в Вильнюсе

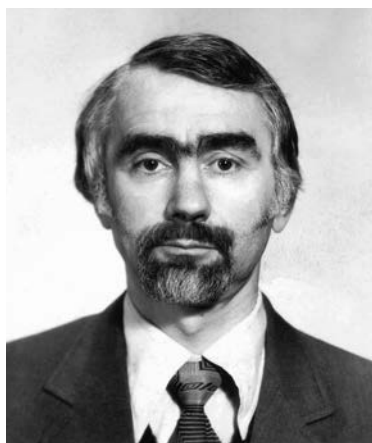
В 1979 г. В.Ч. поселился в общежитии на ул. Оланду — без своих книг, привычного рабочего места, семьи. В апреле 1980 г. семья переехала в Вильнюс. В. Ч. начали приглашать председательствовать на выпускных и вступительных экзаменах в вузах — и в Вильнюсском университете, и в Педагогическом институте. Опыта работы в комиссиях не было, а доброжелательность и склонность к коллективизму, доверительная открытость В. Ч. привели к тому, что на вступительных экзаменах в ВГУ он оказался втянутым в дело о взыточничестве, из-за чего целый год пришлось тратить время и нервы на беседы со следователем Э. Бичкаукасасом. В 1981 г. работа над монографией с соавтором, известным польским ученым проф. Э. Смулковой, сторонницей Солидарности, вызвала слежку органов госбезопасности [Smułkowa 2009, 41]. Таким образом, вместо привычной сосредоточенности, необходимой для творческой работы, в течение нескольких первых лет жизни в Вильнюсе В. Ч. находился в условиях ненужной суеты.

Большого напряжения требовала подготовка докторской диссертации *Типологические основания и реконструкции*, защита которой была назначена на 4 июня 1982 г. После завершения процедуры защиты в МГУ В. Ч. больше всего радовал не ее благополучный исход, а отзыв проф. Н.И. Толстого: *Это была защита свободного человека*. Именно к этому — быть свободным — В. Ч. всегда стремился.

После защиты диссертации в факультетской газете ВУ писалось: *Верись и не верись, что В.Ч., которого везде полно, в ВУ недавно*. Примечательны некоторые ответы в интервью этой же газете:

Илл. 5. Первый день работы в Вильнюсском университете. 1 сентября 1979 г. Фото из личного архива И. Чекмонене

Илл. 6. Перед защитой докторской диссертации в МГУ им. М. В. Ломоносова. 1982 г. Фото из личного архива И. Чекмонене

– Ваше появление на филологическом факультете ВУ внесло большое оживление не только среди ученых, но также среди студентов и преподавателей. Ваш живой темперамент, ваша галантность и благородство заставляют многих подтянуться. Как вы сами оцениваете ваше появление на филологическом факультете ВУ?

– Оно не случайно — жена, дети. Очень хотелось сблизиться с литовцами.

Переехав в Вильнюс, В. Ч. стремился *пустить корни* в Литве. 30 ноября 1982 г. вся семья объединилась под одной — литовской — фамилией. В печати начинает появляться литовский вариант фамилии. Литовские ученые всячески использовали появление В. Ч. в Вильнюсе как специалиста, знатока славянских языков, в частности, русского, загружая его трудоемкой практической работой — переводами и редактированием словарей. Все это отнимало время и силы. Настроение

*Илл. 7. 30 ноября 1982 г. в Вильнюсе семья объединилась под одной фамилией.
Фото из личного архива И. Чекмонене*

того времени В. Ч. передал в стихотворной форме: *Я нежным был. / Я криком стал. / От лет устал. / Язык забыл. / Я кем-то стал. / Кем был / – не помню. / Литвы ладони приютили / И с Украиной помирили. / Литве спасибо.* Вместе с тем он чувствует, что от прошлого отречься невозможно: *Нельзя без прошлого / – Без прошлого / в душе пустыня. / Но не согреют тени / дней полузабытых / И ставших ныне / бесплодной памятью, / Страной заброшенной.*

Заполняя пустоту общения, В. Ч. стал следовать стилю проф. О.С. Широкова — дружить со студентами, часто приходил домой в их сопровождении. В его рабочей комнате в течение нескольких лет нередко

сидели подружки-однокурсницы Лена и Ева. С семьей Лены дружба продолжалась многие годы. Вскоре после своего поступления в университет в доме появился Сергей Темчин, ставший с первого курса постоянным участником студенческих научных конференций не только университетского, но республиканского и союзного уровня. В заметке *Его все знают*, опубликованной в студенческой газете, он рассказывал о подготовке своего доклада на одной из конференций: *Если откровенно, я его писал полчаса, а основная работа велась в голове (Tarybinis studentas, 3 июня 1983 г.)*. За четыре года студенчества он перенял стиль работы своего научного руководителя. В. Ч. старался вырастить из Сергея ученого. Сергей, поступив в аспирантуру МГУ со своей темой, однажды вечером неожиданно позвонил и сообщил, что ему изменили тему диссертации. Эта новость ошеломила В. Ч. и вызвала полную бессонницу — впервые ему пришлось восстанавливать силы в санатории в Друскининкай.

После присуждения ВАК 8 апреля 1983 г. ученой степени доктора филологических наук В.Ч. получил звание профессора на филологическом факультете ВУ лишь в 1985 г., причем не без трудностей и напряжения.

Обычной формой отдыха у В. Ч. были экспедиции. Впервые из Вильнюса в Белоруссию он выбрался в июле–августе 1983 г. в говор, который записывал в 1977 г., работая в Минске, — в д. Рамашканцы и близлежащие села Гродненской обл. Вороновского р-на. Он поехал, как обычно, один с рюкзаком и магнитофоном на плечах, а вернулся уже с белорусским велосипедом. Результатом поездки стала статья *Функционирование языков и билингвизм (на материале рамашканских говоров)*, опубликованная спустя пять лет в журнале, посвященном вопросам латовского языкознания (*Lietuvių kalbotyros klausimai, XXVII*). Следующим летом он вместе с Л. Грумадене, оба на велосипедах (“na rowerach”), поехал из Вильнюса в Гродно, где к ним присоединился знакомый со времен работы в Минске преподаватель Гродненского университета И. Бурлыко. В Рамашканцах их уже ждали как знакомых в семье В. Войшниса, поскольку В. Ч., следуя правилам психологической гибкости, был наделен редким даром диалектолога *раствориться в среде, в которой работал* — ходил помогать убирать сено или полоть огород, становясь на время частью семьи, речь которой записывал. Нередко, выслушав информаторов, заступался за обижаемых, по их делам писал письма с просьбами или требованием помощи в соответствующие инстанции, иногда получал письма о дальнейшей жизни от своих информантов, например, сохранившееся письмо от М. Круопене из Пелесы. Все это придавало ощущение полноты жизни, предлагая не книжный,

а реальный материал для исследований; одновременно это был своего рода отдых — перемена места и привычного образа жизни.

В 1985 г. в Минске вышла научно-популярная книжка В. Ч. о славянах *Славянские языки и славянские народы: Истоки родства* (80 с.), в издательстве ВУ были изданы методические указания к спецкурсу *История славянской филологии (до начала XX века)* (83 с.), появился и перевод на русский язык *Грамматики литовского языка*, подготовленной в АН Литвы под редакцией В. Амбразаса (800 с.). Но летом В. Ч. опять не отдыхал — он писал новый учебник *Введение в славянскую филологию*, так что в августе уже чувствовал усталость. В письме к А.Н. Савченко он жаловался, что *нет энтузиазма к работе*, на что профессор убеждал, что *голова нуждается в передышке и нужно ослабить темп работы* (письмо А.Н. от 2 октября 1985 г.). Но В. Ч. к этому не привык, жить в неделании ему не позволял разум.

Между тем судьба готовила новые испытания. В июне 1986 г. В. Ч. со студентами отправился в экспедицию по Белоруссии для обследования литовского гервятского говора. На третий день экспедиции утонул студент, что стало сильным психологическим ударом для В. Ч. Тем не менее, когда его аспирантка Она Романчук тем же летом отправилась собирать диссертационный материал по этому говору, В. Ч. присоединился к ней. В ее селе в бане случилось несчастье: В. Ч. по ошибке облили кипятком, и он с ожогами первой и второй степени на две недели попал в районную больницу. По возвращении из больницы у В. Ч. появились признаки депрессии, которые он, как обычно, лечил трудотерапией: два лета подряд он ездил в Россию — в Москву, а оттуда в Тульскую и Рязанскую области собирать и проверять материал по аканью. В западнобелорусском островном литовском говоре д. Рамашканцы, где его ждали летом 1986 и 1987 гг. (см. письмо от 16 августа 1987 г. бывшей студентки Терезы Войшнис), В. Ч. больше не появился.

В 1988 г. вышли две книги В. Ч.: в вильнюсском издательстве Швиеса — учебник *Введение в славянскую филологию* (293 с.), в Варшаве — монография *Fonetika i fonologia białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej* (совместно с Э. Смукловой, 326 с.). В том же году появился *Русско-литовский словарь* А. Либериса (924 с.) под редакцией В. Ч. и ряд статей.

В первой половине 1988 г. В. Ч. был приглашен в Варшавский университет преподавать литовский язык. В то время в Вильнюсе строили дорогу через кладбище Расу, и польские газеты бурно это обсуждали. Комната В. Ч. в Варшаве вскоре была завалена польскими газетами. Он готовился писать работу на актуальную тему о польско-литовских отношениях, для

чего попросил аудиенцию у примаса Польши Йозефа Глемпа, познакомился с председателем местной литовской общины историком Б. Макау-скасасом, с издателем газеты М. Карпом, представителем *Клуба любителей Литвы* (польск. *Klub Miłośników Litwy*) и издателями журнала *Lithuania* — семейством Л. и Д. Бродовских и Ч. и Т. Бедульских.

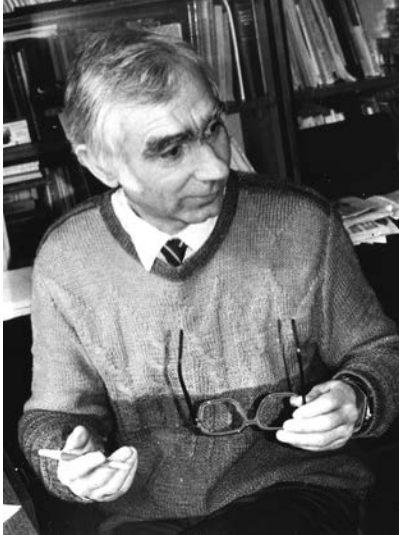
Для интенсивного обучения литовскому языку учебников не было, и в Варшаве мы сразу стали готовить учебный материал для каждого занятия. Среди первых студентов была Малгожата Каснер, в будущем — директор Дома польской культуры в Вильнюсе, ныне сама обучающая польских студентов литовскому языку.

Из Варшавы В. Ч. вернулся полный политического энтузиазма и идей, стал частым гостем в редакции газеты *Согласие*, издаваемой Саюдисом (гл. ред. Р. Валатка), стал тесно сотрудничать с журналистами, работавшими в газете — Н. Мацкевич, Т. Ясинской и др., а вместе с Любовью Черной строил планы обучения литовскому языку русскоязычного населения. Вскоре он начал осуществлять план создания серии учебников литовского языка *Успех* разных уровней (см. интервью Т. Сонгайло *Этапы обучения литовскому языку* в *Vakarinės naujienos*, 3 сентября 1989 г.).

В октябре 1989 г. в Вильнюсе возникло 10 групп обучения литовскому языку, финансируемых *Согласием*, из них 5 — на заводе, известном под названием *Пятерки*. Более 50 человек заводчан занимались с октября по март, а две группы даже по май в аудиториях ВУ и пединститута. Так рождался учебник литовского языка *Успех-1*, затем *Успех-2*... Среди первых учителей были и преподаватели ВУ, в частности, Сергей Темчин, в будущем специалист по интенсивному обучению неродному языку, которому, по словам слушателей, *удавалось раскрепостить робких и застенчивых учащихся* (*Согласие*, 6 июня 1990 г.), а также М. Рамоне-не, ставшая ныне ведущим специалистом по преподаванию литовского языка для иностранцев.

В то же время В. Ч. вместе с сотрудниками Института литовского языка Лит. АН К. Гаршвой и Л. Грумадене стал активно заниматься *польским вопросом*. Вскоре совместно с диалектологами Института литовского языка была организована экспедиция в район Аукштадвариса с целью описания социолингвистической ситуации. Появились статьи на актуальные темы в газетах, в частности, о польско-литовской языковой ситуации в Литве, *Ad memoriam* В. Ландсбергису, Г. Кобецкайте, Д. Куолису. Польскую сторону — своих новых заинтересованных знакомых, В. Ч. просвещал статьями в журнале *Lithuania* и в личных беседах, результаты которых позже становились предметом дискуссий на конференциях политического характера (в 1988 г. в Торуне, а позже в Варшаве и в Виграх).

Во время обсуждения вопроса о создании польской автономии в Литве профессионализм В. Ч. как ученого, его исключительно быстрая ориентация в ситуации, острый ум и смелость служили действенной помощью представителям Саюдиса, которым он обрисовывал реальную языковую ситуацию Южной Литвы. Участие в демократическом

Илл. 8. Во время интервью. Фото Зенонаса Вилбрантаса. Из личного архива И. Чекмонене

движении Саюдис В. Ч. воспринял как праздник (интервью С. Спурги *Родину нашел в Литве, Atgimimas*, № 48, 5–12 декабря 1990 г.), как возможность компенсировать ограничения гражданской свободы, пережитые им в детстве и юношестве. Он консультировал В. Ландсбергиса и Р. Озоласа, выступал в печати и на республиканских конференциях: *Сжато, может, двадцатью предложениями ситуацию в Южной Литве охарактеризовал проф. В. Чекмонас*, — сообщалось в статье *Медлить — значит, утратить позиции (Tiesa, 27 октября 1990 г.)*. Будучи членом национальной комиссии Саюдиса, В. Ч. в политических кругах убежденно говорил: *Социолингвистическая ситуация в*

Вильнюсском крае меняется очень быстро. Из жизни уходят люди, которые еще помнили старые времена, а русифицированная молодежь не интересуется традиционной культурой местных жителей. Если в ближайшее время не будут начаты исследования говоров Вильнюсского края и этноязыковой культуры, наука Литвы и культура Центральной Европы невосполнимо потеряет многое.

В. Ч. убедил в необходимости безотлагательного исследования польско-литовских этноязыковых контактов руководителей Саюдиса, которые для реализации этой цели уполномочили ректора ВУ сделать конкретные шаги: 3 апреля 1989 г. на филологическом факультете ВУ возникла кафедра славянской филологии, в 1991 г. на ней был создан Центр литовско-славянских этнолингвистических исследований. Кафедре, кроме помещения, была выделена пишущая машинка, таинственным образом исчезнувшая на следующий же день. В. Ч. принес свою и написал проект *Говоры Вильнюсского края и этноязыковая культура* в Фонд Открытой

Литвы с просьбой о финансировании. Были разработаны программы по обследованию социолингвистической ситуации, этнической принадлежности и по лингвистическому описанию говоров Вильнюсского края. Основной целью программ было создание фонотеки местных говоров. Предусматривалось обследование трех зон: Вильнюсского края, Каунасского и Зарасайского ареалов, а также детальное обследование 30 населенных пунктов каждой зоны. Полученные в ходе обследования записи (15 часов звучания диалектной речи в каждом пункте) должны были составить основу фонотеки. Планировалось издать три монографических описания польских говоров и три описания двуязычных и трехязычных зон.

В 1992 г., когда шла интенсивная работа над *Литовско-русским и русско-литовским словарем* по учебнику *Успех* [Šekmonienė, Dundaitė, Sivickienė, Čekmonas 1993], В. Ч. был выдвинут кандидатом в Республиканский Сейм (удостоверение № 542 от 24 сентября 1992 г.). Будучи по призыванию ученым и получив наконец возможность реализовать свои науч-

Илл. 9. Заведующий кафедрой славянской филологии ВУ проф. В. Чекмонас. Фото из личного архива И. Чекмонене

ные проекты, В.Ч. сделал решительный шаг свободного человека — отказался участвовать в выборах в Сейм и объявил об уходе из политики. Литва в это время готовилась к выборам президента, и проницательность В. Ч. была бы весьма полезна, однако в начале 1993 г. он был приглашен в Норвегию на несколько месяцев для работы в университете Осло. В интервью В. Чеплявичюте *Ему скорее всего не хватит времени* (*Respublika*, 27 января 1993 г.) В. Ч. характеризовал С. Лозорайтиса как самого смелого среди политиков Литвы и самого подходящего кандидата в президенты Литвы. Смелость и остроту суждений В. Ч. как политика иллюстрируют несколько цитат из этого интервью: *Началась тайная милитаризация нашего государства (это можно было предвидеть, анализируя, куда деваются деньги — все ведь шло на армию). <...> Если мы и дальше будем такими же законсервированными, нерешительными, жадными до власти, то умные люди разбегутся <...>*

Польскими говорами стала заниматься кафедра польского языка ВУ, созданная в 1993 г. при активном участии В.Ч., и интерес к этой теме у

него ослаб. В 1996 г. он съездил в последнюю экспедицию по польским говорам. Все силы в 1996–2002 гг. были отданы старообрядческим говорам. Так он ушел из польской тематики, оставив в 1988–1996 гг. собранную и не до конца обработанную уникальную картотеку польских говоров Литвы, так что традиционная фраза: *К глубокому сожалению, у В. Ч. не хватило времени и сил*, — неверна. Это лишь свойство научного стиля

Илл. 10. Профессор В. Чекмонас.
1997 г. Фото из личного архива
И. Чекмонене

В. Ч.: наука для него была не столько работой, сколько хобби (см. интервью в газете фил. ф-та ВУ 1982 г.). Исследовательская страсть зачастую заставляла его браться одновременно за несколько тем и, не позволяя завершить начатого, спешить к новому.

В 1997 г. В. Ч. ушел с заведования созданной им кафедры, несмотря на то, что эта работа была мечтой всей его сознательной жизни.

После ухода В. Ч. из земной жизни минчанка Ала Сакалоўская, извещая Беларусь о тех, кто *Ад нас адышлі*, писала: *Научное наследие В. Ч. принадлежит четырем народам: белорусскому, литовскому, русскому и украинскому. Он родился на Украине, языковедом стал в Белоруссии, последние 25 лет работал в Литве, большинство работ*

написаны на русском языке, в Вильнюсе основал Русский культурный центр (Голас Радзімы 22 красавіка 2004 г.). Эту свою связь с четырьмя народами сам В. Ч. выразил в поэтической форме: *Украино / матери моя! / Беларусь родная! / Истекают годы кровью, / Сердце полнится Литвою, / И Литва / душою стала.*

Основные даты научно-педагогической деятельности проф. В. Чекмонаса:

1963–1965 — учитель русского и немецкого языков восьмилетней школы д. Шюленай (Литва)

1965–1968 — аспирант Института языкознания АН Белорусской ССР

1968–1973 — младший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания АН Белорусской ССР

1973–1979 — старший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания АН Белорусской ССР

1979–1986 — доцент кафедры русского языка Вильнюсского университета

1986–1989 — профессор кафедры русского языка Вильнюсского университета

1989–1997 — заведующий кафедрой славянской филологии Вильнюсского университета

1997–2001 — профессор кафедры славянской филологии Вильнюсского университета

2001–2003 — директор Центра исследования культурных сообществ Вильнюсского университета

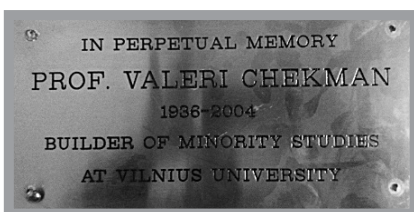
1995–2004 — ответственный редактор журнала "Kalbotyra" (2) (Slavistica Vilnensis)

* * *

Глубокую благодарность и признательность выражаю организаторам двух конференций, посвященных профессору Валерию Чекмонасу, состоявшихся в 2008 и 2016 гг., а также Институту Идиш и филологическому факультету Вильнюсского университета за увековечение памяти В. Ч. — мемориальную доску и присвоение одной из аудиторий ВУ его имени. Там, в вечности, его должен особенно радовать и согревать факт, что его имя носит помещение бывшей его кафедры. Сердечную благодарность выражаю хранителям аудитории, позаботившимся о том, чтобы ее украшал портрет профессора В. Ч., выполненный даугавпилским художником Г. Михеевым.

Благодарю Судьбу за дар совместной жизни и за детей, похожих на него, за его незаурядность, интеллигентность и разносторонность, за радость и оптимизм характера, за честность и чистоту физическую, духовную, интеллектуальную, за приобщение к глубинам славянской культуры, за друзей славян, которые остались друзьями.

...И даже за этими вывесками пробивается, не умолкая, голос В. Ч.: *Если когда-либо придет Судный день и спросит Господь, как ты жил, ответу: Не знаю, я любил.*

ИСТОЧНИКИ

1) Интервью:

„Sėkmė“, „Pažanga“, „Pasitikėjimas“ – lietuvių kalbos mokymosi pakopos „V.N.“ interviu Tatjana Songailo. *Vakarinės naujienos*, 3. 1989 rugsėjo mėn.

„Tėviškę atradau Lietuvoje“. Pasikalbėjimas su Vilniaus universiteto slavistikos katedros vedėju profesorium Valerijum Čekmonu. Portretai. Kalbėjosi Saulius Spurga. *Atgimimas*, 1990 gruodžio 5–12. Nr. 48, p. 14.

Interviu VU filologijos fakulteto laikraštyje daktaro disertacijos „Tipologiniai rekonstrukcijos pagrindai“, argintos Maskvoje birželio 4 d. 1982 m. proga.

Jam gali pristigti laiko. Parengė Valė Čeplevičiūtė. *Respublika*, 1993 sausio 27.

2) Статьи в СМИ:

Лук'янюк Т., 1963: Хай це буде уроком!, *Радянська Буковина*, 23 января.

Ротарь М., 1960: Будет ли продолжение?, *Согласие*, 6 июня.

Сакалоўская А., 2004: Ад нас адышлі Валерый Чэкман (Чэкмонас), *Голас Радзімы*, 22 красавіка.

Delsti – vadinas, prarasti pozicijas. *Tiesa*, 1990 lapkričio 27 d.

3) Документы:

Заявление В.Н. Чекмана Ректору Ростовского-на-Дону университета (21 августа 1963 г., с. Шюлены Литовской ССР).

Отзыв о студенте В.Н. Чекмане в Ростовский университет профессора О.С. Широкова от 5 сентября 1963 г.

Диплом У № 812321, Ростовский-на-Дону государственный университет (регистрационный № 965). Ростов-на-Дону, 27 июня 1964 г.

Справка о месте работы в Латвии для представления в БАН от 12 августа 1965 г. о том, что приказом № 49/1 В. Ч. назначен учителем Гайняйской восьмилетней школы Прейлского р-на Латвии. Дата начала работы: 16 августа 1965 г.

Свидетельство I-ОК № 267845 об изменении фамилии, имени, отчества: Чекман Валерий Николаевич переименовал фамилию на Чекмонас, о чем 30 ноября 1989 г. произведена запись № 132. Отдел ЗАГС, г. Вильнюс.

ЧекМАНТАТА: поздравительный выпуск институтской газеты БАН по поводу защиты диссертации 26 декабря 1968 г.

Vyriausioji rinkimų komisija. PAŽYMĖJIMAS Nr. 542: Valerijus Čekmonas yra kandidatas į Lietuvos Respublikos Seimo deputatus. Pirmininkas Vaclovas Litvinas. 1992-09-24.

4) Письма:

От А.Н. Савченко: О.С. Широкову (9 июня 1963 г.); В. Ч. (31 августа 1963 г.; 19 октября 1963 г.; 24 ноября 1963 г.; 22 декабря 1964 г.; 22 декабря 1968 г.; 2 октября 1985 г.).

От бывшей студентки Терезы Войшнис (16 августа 1987 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Гирдянис А., 2009: Вклад профессора Валерия Чекмонаса в сравнительно-историческое и балтийское языкознание, *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra 54 (2))*. Vilnius, 13–19.
- Красухин К.Г.: Школа, не попавшая в струю (О.С. Широков, общее и индоевропейское языкознание), in *Librarius. Филологи-классики, антиковеды, латинисты. Воспоминания*. URL: <http://librarius.narod.ru/personae/osshi3.htm> (10.05.2017).
- Чекмонас В., 2000: Десять лет спустя (публичный отчет Фонду открытой Литвы и благодарности Джоржу Сорошу), *Slavistica Vilnensis 2000 (Kalbotyra 49 (2))*. Vilnius, 183–184.
- Цыхун Г.А. 2009: Валерый Чэкман. Згадкі-успаміны пра калегу, *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra 54 (2))*. Vilnius, 43–45.
- Girdenis A., 2004: Valerijus Čekmonas 1936–2004, *Baltistica XXXIX (2)*. Vilnius, 336.
- Smułkowa E., 2009: Dar przyjaźni, czyli moja pamięć o Walerym Czekmanie, *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra 54 (2))*. Vilnius, 37–42.

Поступило в редакцию: 21 апреля 2017 г.

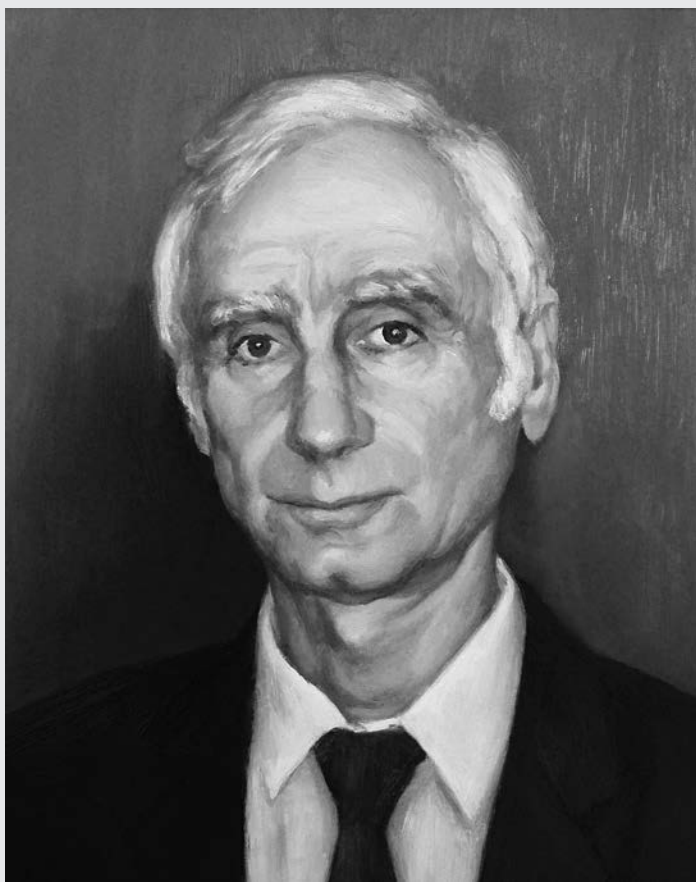
Принято к печати: 27 августа 2017 г.

Ирена Эльжбета Чекмонене, доцент, доктор гуманитарных наук.

Irena Elzbieta Chekmoniene, PhD (Humanities).

Irena Elzbieta Čekmonienė, docentė, humanitarinių mokslų daktarė.

E-mail: ireneckm@gmail.com

*Григорий Михеев. Портрет профессора В. Н. Чекмонаса.
Холст, масло. 2008 г.*